

Я стояла на коленях перед ней на кровати, отодвинула нижнюю одежду, а затем потянулась к её шёлковому штанам. Сегодня она была умнее — надела белые шёлковые штаны с подкладкой на бёдрах из кожи, чтобы не натереть кожу при верховой езде. Мне пришлось изрядно повозиться, чтобы спустить их до середины, но, когда я подняла голову, чтобы попросить её поднять ногу, она сама, слегка потерев ноги друг о друга, стянула штаны до щиколоток.

Стояла середина августа, в воздухе веяло прохладой, но её лицо было слегка розовым, а на носу выступила лёгкая испарина. Увидев, что я смотрю, она откинулась ещё сильнее и вовсе легла на кровать, закрыла глаза и тихо сказала:

— Поторопись. Вдруг Ваше Величество вызовет.

Я не была в этом деле особо опытна, и её поторапливание заставило меня оправдываться:

— С этим нельзя спешить. Иначе можно причинить боль.

С этими словами я аккуратно подобралась чуть выше, устроившись рядом с ней, но немного ниже, и, помедлив, не стала сразу целовать её в губы, а лишь коснулась губами пупка.

Талия у неё была тонкой, с едва заметными вертикальными линиями, а пупок вытянутым, в отличие от моего, который был просто ямочкой. Когда мои губы скользнули по её талии, она вздрогнула, и рука её инстинктивно потянулась оттолкнуть меня. Я поймала её руку, поцеловала пальцы, а затем двинулась выше: тыльная сторона ладони, запястье, предплечье, локоть, плечо. Когда я добралась до плеча, она снова открыла глаза и, покраснев, посмотрела на меня:

— Ты... если хотела, делай быстрее. Эти твои ласки только щекотят.

Мои глаза тоже горели, будто готовые закапать кровью. Я усмехнулась, слегка прикусила её ключицу, затем поцеловала шею и, подняв голову, коснулась её губ, прежде чем сказать:

— Боюсь, если я не буду делать эти «бесполезные» вещи, ты потом станешь меня бранить.

Её шея мгновенно залилась румянцем. Она опустила взгляд, а я приподнялась и, оказавшись снизу, поцеловала её. Затем поднялась ещё, взяла её лицо в ладони и продолжила целовать, водя языком по её рту, а руки мои спустились с хрупких плеч на спину, где я слегка надавила на единственное место, где у неё было немного мяса. От этого она задышала чаще. Затем я медленно вернулась вперёд и взяла её руки.

Руки её уже безвольно лежали по бокам. Я потянула их — они послушно поднялись. Я положила их себе на поясницу, а сама снова обняла её.

Она оказалась сообразительной и тут же начала действовать сама: её губы опустились к моей шее, принялись ласкать её. Увидев след на моём плече, она удивлённо ахнула:

— Это что такое?

Я улыбнулась:

— Это ты меня в прошлый раз укусила. Не пойму, почему не проходит. Когда мылась, меня уже несколько раз спрашивали.

Услышав это, она насупилась, сжала мою руку сильнее и снова впилась зубами в моё плечо. В

душе я ликовала, но на лице лишь сказала:

— Совсем закусаешь.

Она фыркнула и крепко прижала меня к себе. Наши бёдра соприкоснулись, дыхание у обеих участилось. Она несколько раз потёрлась о меня, бёдра её слегка вздымались, колени скользили по моим ногам. От этого у меня в глазах потемнело, а сердце заколотилось. Я забыла о нежности и поспешила войти.

Сначала вышло неумело, я почти заблудилась в гуще леса. К счастью, журчащий ручей указал путь. Я шла по влажному следу, преодолевая холмы и долины, мечась между возбуждением и спокойствием, и чувствовала, как под моими пальцами рождается целая вселенная.

Этот горячий, плотный маленький мир наконец взорвался под внешним напором. Метеоры задвигались, туманность рассыпалась, словно Паньгу впервые разверз первозданный хаос, а Нюйва посеяла семя любви.

Сердце было полно, душа — удовлетворена.

Я выдохнула тяжёлый воздух и, перевернувшись на бок, повалилась рядом с А-Хуань. Руки были липкими — не то от мази, не то от чего-то ещё.

Место на руке, куда пришёлся удар, уже не болело, зато пальцы ныли, деревенели и будто жили своей собственной, ликующей жизнью.

Руки тоже ныли, слегка дрожали — как после тяжёлой работы, — и эта дрожь идеально совпадала с лёгкой дрожью, пробежавшей по всему телу А-Хуань.

Я с самодовольством повернулась, чтобы взглянуть на А-Хуань.

Взгляд её был мутным. Отдышавшись, она постепенно пришла в себя, тоже повернулась и, лёжа со мной лицом к лицу, громко скомандовала:

— Покажи-ка.

Я удивилась:

— Что?

Она сердито взглянула на меня — вернее, в её взгляде было больше смущения, чем гнева. Она ухватила мою правую руку и принялась разглядывать каждый палец, затем перешла к левой, тоже изучив все пальцы и даже ладонь. Чем дольше она смотрела, тем мрачнее становилось её лицо. Наконец она оттолкнула мою руку и с беспокойством спросила:

— Ты... куда это спрятала?

Я совсем перестала её понимать. Погладив её руку, я спросила:

— Что такое? Я же всё время была здесь, ты сама видела. Куда я могла что-то спрятать?

Она приподнялась и осмотрела пространство вокруг меня, но, кроме разбросанной одежды, ничего не нашла. Лицо её потемнело. Она повернулась ко мне, прикусила губу и позвала:

— Тайпин. Ты уверена, что всё сделала правильно?

Я рассмеялась:

— Правильно или нет — тебе самой лучше знать. Зачем меня спрашивать?

Она сказала:

— Если правильно, то почему нет... того?

Я переспросила:

— Чего?

Она уставилась на меня. Лишь спустя некоторое время до меня дошло. Меня охватил смех, сдержать который было невозможно, и уголки губ сами собой поползли вверх:

— Если я не ошибаюсь, ты ищешь... кровь?

Она уставилась на меня и громко фыркнула.

Я рассмеялась ещё громче, села и, взяв её за руку, сказала:

— А-Хуань, у многих девушек в первый раз крови не бывает.

Она резко нахмурилась, не веря мне, и оттолкнула мою руку:

— Врёшь.

Видя, что она настроена серьёзно, я перестала смеяться и снова взяла её руку:

— А-Хуань, у многих действительно крови не бывает. Я тебе объясню... У женщин там бывает разное строение. У кого-то это кольцо с одним отверстием, у кого-то — сетка с несколькими. Отверстия у всех разные: у кого-то больше, у кого-то меньше. Если маленькое, то будет больнее, если большое — крови может и не быть. А у некоторых этой перепонки вообще нет от рождения или она порвалась по каким-то причинам. Например, из-за верховой езды...

Слава богу, в прошлой жизни я училась медицине. Хоть и всего два года, да и толком ничего не усвоила — а если и усвоила, то почти всё забыла, — но основы помнила твёрдо. Я подробно всё объяснила ей, как врач, и она, хоть и с сомнением, посмотрела на меня:

— Где ты этому научилась? Звучит как-то странно.

Мне в голову пришла мысль. Я улыбнулась:

— Помнишь, мне снился сон о бессмертных? Это они мне рассказали.

Люди в те времена верили в магию, и А-Хуань не была исключением. Ссылка на бессмертных могла сработать лучше, чем мои объяснения.

Она от неожиданности откинула голову и пробормотала:

— Без причины учить тебя такому... наверное, это были не самые приличные бессмертные.

Но она поверила.

Я, улыбаясь, притянула её к себе:

— Неправда. Бессмертные, наверное, увидели, что мы любим друг друга, но молчим, и сжалились над нами. Они специально позвали меня, чтобы рассказать, что у тебя нет той перепонки, и даже научили меня всему этому. Видно, мы созданы друг для друга.

Она пробурчала: «Не болтай ерунды», — но сама улыбнулась и прижалась ко мне.

Я, желая поделиться с ней знаниями из прошлой жизни, взяла её за руку и сказала:

— На самом деле, даже если бы ты не была девственницей, это не имело бы значения. Я люблю тебя, потому что ты мне нравишься, а не потому что ты «чиста». Будь ты мне не мила, храни ты свою чистоту хоть сто лет — какая мне от того польза? Но ты такая, что сердце не отпускает. Будь у тебя хоть семнадцать-восемь любовников и двадцать-семь детей, я бы всё равно любила тебя. И эта любовь — навсегда.

Она резко изменилась в лице, вырвалась из моих объятий и сердито воскликнула:

— Ты же с детства росла под присмотром наставников! Как ты можешь такое говорить? Что за семнадцать-восемь человек, да ещё и дети... Ты... Ты что, думаешь, я такая?

<http://bllate.org/book/16278/1466747>